

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105-117

УДК 398

Надежда Володаровна Покатилова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2869-1400

E-mail: pnv_ysu@mail.ru

**К типологическому открытию «устной традиции»:
первый экспедиционный проект академического Института
языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.)**

АННОТАЦИЯ. Материалы первой экспедиции академического Института языка и культуры по виллойской группе районов, проведенной А. А. Саввиным совместно с С. И. Боло в тяжелейших условиях репрессий 1937–1938 гг., свидетельствуют о фиксации уникальной фольклорной традиции в ее живом тогда еще бытовании. Богатейшее рукописное наследие в материалах двух экспедиций — Виллойской и Северной — долгое время воспринималось как преимущественно этнографическое по своей направленности. До сих пор остается неопределенной фольклорная составляющая этого наследия. Актуализация А. А. Саввиным системных представлений о фольклоре как о целостности, сохраняющей тесную связь с шаманским ритуалом и в то же время имеющей особые, формульно-мнемонические механизмы функционирования, соотношении вербальных и невербальных форм проявления традиционной культуры, соотносительности в ней сказительского исполнения с шаманской практикой свидетельствует о его безусловном научном лидерстве. Консервация в виллойском ареале распространения наиболее архаичных текстов и жанров традиции, разграничение «старого»/«нового» в этой традиции, наличие в ней элементов внутреннего «самоописания», фиксация особых форм мифологического языка определило в целом исследовательскую значимость экспедиционного проекта под руководством А. А. Саввина. Коллекция культурных артефактов, собранная в его рамках, представляет собой первое системное «открытие» устной традиции на территории Якутии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устная традиция, устная культура, полевая фольклористика, исследовательский подход, поэтический язык, архаические тексты традиции, Институт языка и культуры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Покатилова Н. В. К типологическому открытию «устной традиции»: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.). *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 105–117. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105–117

Nadezhda Pokatilova

Institute for Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2869-1400
E-mail: pnv_ysu@mail.ru

On the Typological Discovery of “Oral Tradition”: The First Expedition of the Academic Institute of Language and Culture of the Sovnarcom of the Yakut ASSR

ABSTRACT. The data collected by the first expedition of the Academic Institute of Language and Culture around Viliui regions, conducted by A. A. Savvin along with S.I. Bolo in the rigors of the purges of 1937–1938, include records of the unique folklore tradition in its “living” presence. For a long time, the manuscripts of the Viliui and Northern expeditions were considered to have had a primarily ethnographic focus. Even now the folklore scope of this research is unclear and the entries on folklore have not been published in full. A. A. Savvin’s actualization of the systemic conceptions of folklore as a continuity closely related to the shamanic ritual and at the same time having special formula-mnemonic mechanisms of functioning, and his ideas of the interrelation between verbal and nonverbal forms of traditional culture, and that between storytelling performance and shamanic practice—all these point to his pioneer position in the field. Retention and conservation of the most archaic texts and genres of the tradition within the Viliui Region, and as a consequence, demarcation of the “old” and the “new” within this tradition, presence of elements of internal “self-description” of the tradition, and documentation of specific forms of poetic diction defined the original characteristics of the “Viliui” variant of the Yakut oral tradition. All of this determined the research merits of the expedition project led by A. A. Savvin and the cultural artefacts it collected, which pioneer the first systemic “discovery” of the oral tradition in the Sakha Region.

KEY WORDS: oral tradition, culture, oral culture, folklore studies in the field, research approach, poetic diction, archaic texts in oral tradition, Institute of Language and Culture

FOR CITATION: Pokatilova N. On the Typological Discovery of “Oral Tradition”: The First Expedition of the Academic Institute of Language and Culture of the Sovnarcom of the Yakut ASSR. *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 105–117. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105–117

В советский период достаточно устойчивым было представление о том, что первыми собирателями фольклорных образцов на территории Якутии были преимущественно участники различных экспедиций, начиная от Сибиряковской и заканчивая Комплексной экспедицией Академии наук СССР. В большинстве своем это бывшие политссыльные, внесшие существенный вклад в сбор и публикацию образцов устной словесности, однако это не входило в основные цели экспедиций, в которых они участвовали. За последние десятилетия в результате изучения архивного наследия Г. В. Ксенофонтова и рукописных материалов первых двух экспедиций научно-исследовательского Института языка и культуры конца 1930-х годов, хранящихся в фондах Архива Якутского научного центра СО РАН, появляются достаточные основания для пересмотра существующей точки зрения и внесения определенных корректив в историю становления полевых исследований в Якутии и самоопределения фольклористики в ряду других гуманитарных наук.

Долгое время богатейшее рукописное наследие Андрея Андреевича Саввина (1896–1951), представленное в материалах двух экспедиций — Вилюйской и Северной, воспринималось как этнографическое по своей направленности. Исключение составил очерк Г. У. Эргиса, в котором впервые был дан обзор фольклорных материалов экспедиций. В то же время именно Г. У. Эргис заметно акцентировал собственно собирательскую направленность экспедиционной работы А. А. Саввина и С. И. Боло, недостаточно уделяя внимание их исследовательским принципам, что нашло отражение в его «Очерках по якутскому фольклору» (Эргис 1974: 79–83) и в последующей оценке собранных материалов.

Личная судьба А. А. Саввина и С. И. Боло (1906–1948) была достаточно трагической. Во время пребывания А. А. Саввина в экспедиции 1939 г. по «северным» районам умер его единственный сын. После ареста П. А. Ойунского осенью 1938 г. последовало их немедленное увольнение из Института языка и культуры при СНК ЯАССР, несмотря на то что они находились в поле. По возвращении же из экспедиции оба были обвинены в собирательстве уходящего тойонатского фольклора, в отсутствии материалов по советскому фольклору и излишнем интересе к «прошлому». В последние годы жизни исследователи работали в краеведческих музеях Якутска (С. И. Боло) и Чурапчинского района (А. А. Саввин), составляя и упорядочивая картотеки музейных экспонатов.

По результатам разных экспедиций была опубликована лишь единственная работа С. И. Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» (Боло 1940), а из работ А. А. Саввина, включая его монографию «Пища якутов» (Саввин 2005), ни одна не увидела свет при жизни исследователя.

До сих пор не опубликованы в полном объеме коллекции записей А. А. Саввина и С. И. Боло, несмотря на фрагментарное обращение к ним в составе общих изданий отдельных жанров (сказки, песни, олонхо). В должной мере не освещена роль непосредственных исполнителей первого экспедиционного проекта института, в котором определяющее значение имели все же исследовательский подход, принципы отбора материала и приемы фиксации наиболее значимых составляющих традиции. Особо в этой связи следует выделить фигуру А. А. Саввина, научное лидерство которого было несомненным, а в большинстве случаев определяющим как для него самого, так и для его молодого напарника Сэсэн Боло.

К экспедиционной работе А. А. Саввин пришел сложившимся исследователем, предпринявшим свои первые выходы в поле (1934–1936) будучи учителем, затем инструктором Бюро краеведения в научно-исследовательском Обществе изучения Якутского края. Он имел многолетний опыт собственных полевых разысканий не только по бывшему Ботурусскому улусу, откуда был родом, но и по всей центральной Якутии, а также, судя по сохранившимся наиболее ранним и самостоятельным его записям, и по вилюйской группе районов 1935–1936 гг. (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 561), куда он начал ездить по собственной инициативе (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 96. Л. 21–22). Об этом хорошо знал П. А. Ойунский, специально пригласивший его для участия в экспедиционных проектах института.

Первая же Вилюйская экспедиция Института языка и культуры оказалась той научной сферой, где в полном объеме реализовалась исследовательская позиция А. А. Саввина и сформировались

устойчивые научные интересы молодого С. И. Боло. Однако до сих пор представление о А. А. Саввине-исследователе ограничено рамками сугубо собирательской специфики его работы. Известно, что в предварительной подготовке первой экспедиции принимал участие весь научный коллектив Института (Эргис 1974: 78; Покатилова 2018: 114–115). Определялись маршрут и наиболее интенсивные ареалы распространения устной традиции, разрабатывались инструкции и опросный материал, программы собирания фольклора (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Ед. хр. 40). Личный вклад А. А. Саввина всегда оставался в тени этой общеинститутской подготовки, а впоследствии и послевоенных публикаций института, когда были изданы отдельные результаты экспедиций в виде сборников текстов (Исторические предания 1960; Якутские сказки 1964; Сборник якутских пословиц и поговорок 1965). Между тем для осмысления этого вклада важно, с одной стороны, разграничение методологического подхода к устной традиции в целом и практической работы по сбору материала, а с другой — понимание их единства, что отразилось на взглядах Саввина-исследователя.

ВИЛЮЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ПЕРВЫЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Вилюйская экспедиция (1938) предстает как один из первых, целенаправленно подготовленных проектов молодого научно-исследовательского Института языка и культуры при СНК ЯАССР (основанного в 1935 г.). Сама идея значительного по своим целям и задачам проекта (заметим, не по собиранию, а именно по фиксации существующей традиции) принадлежала первому директору института П. А. Ойунскому. За одним из первых и в то же время достаточно масштабных проектов института стояла командная работа всех его сотрудников под руководством директора-организатора (Покатилова 2018: 109–111).

В то же время контекст политических репрессий конца 1930-х годов оказывается неизбежным при рассмотрении истории подготовки и проведения Вилюйской экспедиции. По свидетельству современников, одним из последних распоряжений П. А. Ойунского перед арестом было устное указание, как можно скорее отправить в экспедицию А. А. Саввина и С. И. Боло (Попов-Тумат 2016: 29, 44; П. А. Ойунский — директор... 2003: 146). Сохранились документальные подтверждения последствий для института ареста П. А. Ойунского в виде резолюции общего собрания, где первым пунктом шло постановление о необходимости «немедленно уволить Саввина и Боло» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 23. Л. 14). В официальном приказе по институту значилось «несоответствие по образованию» А. А. Саввина и С. И. Боло, в действительности же подразумевалась идейная близость этих исследователей научной позиции первого директора института, поскольку это были кадры, принятые на работу самим П. А. Ойунским. Тем самым первый экспедиционный проект института и его участники вписываются в общий контекст репрессированной науки конца 1930-х годов.

А. А. Саввин и С. И. Боло, несмотря на невероятно сложные условия и препятствия транспортного, климатического и идеологического плана, смогли собрать уникальный материал комплексного характера как по ритуальной и вербальной культуре народа саха, так и по взаимодействию разных культурных традиций и жанров в Вилюйском регионе с охватом восьми районов бывшего Вилюйского округа. При этом была создана постоянно действующая сеть корреспондентов, помощников по записи из числа местной интеллигенции (учителей, учащихся и др.). Сеть корреспондентов оказалась действенной и после отъезда научных сотрудников, когда впоследствии записи, например, полных текстов олонхо напрямую передавались в Институт языка и культуры, став основой коллекции записей Рукописного фонда, официально созданного лишь в 1947 г.

ФОЛЬКЛОР В МАТЕРИАЛАХ ВИЛЮЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Андрея Андреевича Саввина воспринимали в основном как собирателя этнографического материала по традиционным верованиям и представлениям, что нашло отражение и в его авто-

биографии (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 96. Л. 20–22). С. И. Боло большей частью известен как собиратель *исторических* преданий в первой Вилюйской и в последующей Северной экспедициях. Тем самым в отношении участников двух экспедиций долгое время не ставился вопрос о фольклорной составляющей их рукописного наследия.

Между тем уже по отчетным документам Вилюйской экспедиции складывается впечатление, что А. А. Саввин, изначально считавший себя этнографом, в полевых разысканиях столкнулся с определенным пластом вербальных устных текстов, не всегда связанных с обрядово-ритуальной практикой. Более того, собранный материал нарративных жанров (исторические предания, не заимствованные аутентичные сказки, мемораты о вилюйских политссылных и т.п.) свидетельствует о том, что постепенно он приходит к пониманию автономности собственно фольклорных материалов. Более чем пристальное внимание исследователя к фольклору, по существу, означало определенный перелом в представлениях А. А. Саввина. Он впервые обращает внимание на вербальные механизмы этой традиции, что кардинально меняет отношение к ней и в конце концов приводит к пониманию особой специфики устной традиции и ее скрытой поэтики. Целенаправленная фиксация определенного типа текстового материала, по существу, стала репрезентацией нового исследовательского подхода, не применявшегося до сих пор в столь масштабном виде по отношению к отдельно взятой традиции Вилюйского региона и устной традиции в целом.

Кажущийся неожиданным переход А. А. Саввина от этнографических аспектов к фольклористическим оказывается следствием двух факторов. С одной стороны, глубинным проявлением процесса понимания устной традиции, которое начинает складываться у А. А. Саввина по мере непосредственного погружения в вилюйский материал, с другой — формированием собственной исследовательской позиции «изнутри» культуры, под воздействием самого полевого материала.

В сводном отчете А. А. Саввина 1938 г. по Вилюйской экспедиции уже появляется специальный раздел по фольклорным материалам (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270), где дается предварительный список количества записей разных жанров фольклора.

В то же время отчет 1938 г. уже содержит ряд более развернутых моментов аналитического плана, свидетельствующих о последовательности исследовательской позиции А. А. Саввина, ее эволюции от количественных подсчетов в сторону определения научной значимости полученных результатов, в качестве которых впервые фигурируют записи фольклорных жанров. В сводке 1938 г. значится общее количество записей: «богатырских былин» (эпос олонхо) — 6 (80,5 п.л.), «народных песен в различных вариантах» — 43 (23,3 п.л.), «песен и заклинаний обрядовых» — 19 (3,9 п.л.), скороговорок «чабыргах» — 74 (1,7 п.л.), «мелких народных сказок — «остуоруя»» — 20, загадок и пословиц — 1509. Везде А. А. Саввинным указывается общее число полных записей по разным жанрам и их объем в печатных листах. Вместе с тем в эту сводку не вошли 45 исторических преданий (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 76).

Помимо отчета 1938 г., отдельно на листе А3 сохранилась «Опись материалов Вилюйской экспедиции», где на обороте рукой А. А. Саввина написано: «Фольклор Вилюйской экспедиции» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 97). Опись относится, по всей видимости, ко времени полной передачи документов экспедиции в Рукописный фонд института в 1939 г.

Своеобразие вилюйской устной традиции А. А. Саввин с самого начала связывает с ее архаичностью, существованием в ней наиболее архаического пласта жанров, не привлекавших до сих пор внимания исследователей. К ним отнесены наиболее архаические пласты песенных (обрядовые песни) и малых жанров, отдельные разновидности которых в полном объеме функционировали только в этом регионе. Так, обрядовые песни, вилюйские «песни танца» (*ункуу ырыата*), заклинательные жанры, космологические загадки, «краткая» (заклинательная) форма чабыргах и другие упоминаются уже в отчете 1938 г., некоторые из них с пометой «находящиеся в стадии угасания» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 10, 23), речь при этом идет не об отдельном жанре, а о всей жанровой традиции, стоящей за ним. В отчете по Вилюйской экспедиции, с одной стороны, отчетливо сформулированы ключевые моменты, определяющие своеобразие

вилюйской традиции, с другой — эти же моменты находят выражение в специфичных чертах ряда жанров этой традиции, зафиксированных в виде текстов. Тем самым особенности самой традиции обусловили в целом отбор фиксируемых фольклорных артефактов и исследовательский подход к ним. Фольклорная составляющая традиции впервые освещается А. А. Саввиным как открытие, своего рода «узнавание» этого материала, отсюда местами достаточно эмоциональная его оценка. Одним из важных моментов, определяющих своеобразие вилюйской традиции, А. А. Саввин считает сохранение тесной связи с шаманским ритуалом. Основой архаической культуры являются специфические условия определенных мест Вилюя, где, по мнению А. А. Саввина, «шаманизм, более чем в других местах, сохранил свои первоначальные черты» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 8).

Более того, в некоторых местах Вилюя (Мастах, Сунтар и др.) исследователь отметил наличие действующих очагов локальной ритуальной традиции, что позволило ему поставить вопрос не только о сохранности текстов этой традиции, но и об особенностях ее носителей. Исследователь впервые обращает внимание на совмещение функций шамана (или его помощника — *кутуруксу*) и сказителя в исполнительской практике вилюйской традиции. Сохранение этих черт ведет к локализации устной традиции вокруг ритуального действия. Более чем дифференцированный подход к материалу дает возможность А. А. Саввину выдвинуть концепцию «исполнителя» шаманской мистерии, совмещающего в себе функции шамана и сказителя, обладающего «хорошей памятью и поэтическим талантом». Именно такие люди «вполне объяснимо» ставились «населением» (т. е. воспринимающей средой) «выше рядовых шаманов». Исследователем обосновывается важность записи шаманского камлания у своеобразных профессиональных помощников шамана — *кутуруксу*, в роли которых могли выступать практикующие сказители. Именно они «могут лучше запоминать и заклинания, и обрядную сторону мистерий, чем какой-нибудь рядовой шаман и, безусловно, стоять выше его» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 11–12).

Предположения А. А. Саввина о глубинной ритуальной обусловленности жанров находят подтверждение в фактах существования дополнительных песнопений, сопровождающих исполнение эпического жанра олонхо. Впервые А. А. Саввин записал дополнительную ритуальную песнь «Направление хвоста олонхо» (*Олонхо кутуругун салайыта*), исполненную олонхосутом С. Н. Каратаевым-Дыгыяр по окончании сеанса записи (Богатырь Тонг Саар 2004: 199–203). Функционально ритуальная песнь связана с «открытием дороги» для олонхо, с «завершением пути» в данном случае самого олонхосута. Обращает на себя внимание то, что в традиционном названии этой песни употребляется слово «хвост» (*кутурук*) в значении «конец, завершение», активно используемое в шаманской практике (ср.: *кутуруксу* — помощник шамана при совершении ритуала шаманского камлания).

Исследования показывают, что такого рода ритуальное сопровождение изначально было характерно только для вилюйской традиции олонхо (Кузьмина 2020), затем получило распространение в других ареалах эпоса в виде дополнительной вставки — «Хвост направляющей песни» (*Кутурук салайар ырыа*). В современных трансформациях эпоса это может быть не только «песня», но и «тойук», «обращение» и даже «стихотворение» (*хоһоон*) (Кузьмина 2020: 109–110).

Основной ритуал предопределил последующую мифологизацию традиции в целом. Как следствие, следы ритуала (иногда ритуализованного быта), свернутые фрагменты мифа могут встречаться как в больших нарративных структурах типа преданий, сказки, эпоса, некоторых разновидностях песенных жанров (тойук), так и в «неповествовательных» формах вроде определенных разновидностей песенных (песни круговых танцев, песни времен года) и малых жанров (загадка, «краткий» чабыргах).

В процессе полевой работы А. А. Саввин фиксирует не только тексты, но и сопутствующие им внетекстовые включения информанта, связанные с процессом воспроизведения и передачи традиции. Записи могли сопровождаться: (а) сведениями об исполнителе (возраст, грамотный/неграмотный, местность, профессиональная специализация); (б) словником устаревших или

непонятных слов; (в) дополнительными замечаниями после сеанса (*хос этии* — «повторное высказывание»), иногда до исполнения — в виде сведений о предшественниках; (д) в редких случаях специальными примечаниями (*хос бэлиэ* — «повторное замечание»), имеющими отношение к жанровой традиции и преемственности носителей в ней по принципу «учитель — ученик». Актуализация в связи с этим представлений самих носителей о традиции в целом и об отдельных моментах ее жанровой манифестации в итоге ведет к выявлению элементов самоописания в самой традиции (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100. Л. 15, 20–21; Ед. хр. 561. Л. 8–10). Особую ценность представляют впервые предпринятые А. А. Саввиным записи биографий шаманов и сказителей — олонхосутов (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 847, 850).

А. А. Саввин старался фиксировать достаточно разнообразный жанровый репертуар одного и того же сказителя. По его материалам можно предположить, что в самой традиции нет существенной разницы между большими и малыми формами, есть только различия в степени архаичности текста как такового, в уровне сказительского мастерства и особенностях поэтического языка исполнителя в целом.

В коллекции А. А. Саввина по малым жанрам не только представлено разнообразие текстовых вариантов, но и приводятся размышления исполнителя о состоянии данной жанровой традиции в «прошлом» и «настоящем». «Сейчас (в настоящем) нет чабыргаха. Этот чабыргах (я) слышал в старину, от людей прошлого», — признается А. А. Саввину известный вилюйский олонхосут С. Н. Каратаев (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100. Л. 15), в репертуаре которого, помимо эпоса, особое место занимают чабыргах и его разновидности. При этом в исполненных им вариантах приводятся исключительно архаические формы этого жанра (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 87. Л. 33–45; Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100. Л. 15–17 об.).

В своем отчете А. А. Саввин указывает на то, что разновидности чабыргах — «совершенно не изученный вид стихотворного произведения в устном народном творчестве якутов» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 23). Возможно, именно этим объясняется его интерес к жанру, который почти полностью, за редким исключением (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 87. Л. 41–41 об.), представлен именно в его записях. А. А. Саввин, отталкиваясь от собственно фольклорного материала, вносит уточнения в понимание носителя традиции. Если у его предшественника Г. В. Ксенофонтова определяющей в ритуальной культуре становится «личность шамана как центральной фигуры шаманистических представлений» (Ксенофонтов 1992: 37), то у А. А. Саввина, независимо от жанра и, что важно, объема записываемого текста, такой фигурой может стать любой носитель традиции в том случае, если его текст отличается древностью происхождения.

Высокая степень мифологичности оказалась характерной для всей вилюйской традиции, пронизывая ее во всех жанровых проявлениях. Это находит выражение как в эпосе олонхо, так и в периферийных жанрах данного фольклорного диалекта, в том числе в малых фольклорных формах типа загадки, чабыргах и других речевых жанров, восходящих по своему происхождению к культовой речи, но отошедших от нее и исполняемых вне обрядового действия.

О мифологичности, например, можно судить на основании исходной структуры «краткой формы» чабыргах. Мифологическое здесь дано в виде формульного разворачивания текста по метонимическому принципу движения «сверху вниз» («от клюва к хвосту») или, реже, «снизу вверх» («от части бедра к спине»), при этом имеет место частичная актуализация свернутого мотива «творения» и/или последовательное мифоритуальное расчленение тела птицы-животного-человека. В достаточном массиве разновидностей этого жанра А. А. Саввин представил варианты, в которых выявляется редуцированная модель мира в виде реплик космогонического плана (*дар дар сыарха, чуо чуо чолбон, күн тойон кыһын*), отмечаются моменты сакрализации и затемнения смысла отдельной части парных формул (*этэбэ тэтэбэ, эрхэл дьэрхэл*), обнаруживаются элементы заумы (*чуор кэлэкэй, барылай тарылай*) и звукописи (*кыр кырк кынатым, чыр чар чыгынас*) ритуально-магического происхождения и др. Именно такие образцы жанра отбирает А. А. Саввин для записи (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 87; Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100, 561).

Следствием высокой ритуально-мифологической обусловленности становится процесс консервации в традиции наиболее архаических черт. В синхронном рассмотрении целостности отдельно взятой традиции А. А. Саввиным были обозначены различные аспекты ее диахронической протяженности: «стадии угасания» и относительного «расцвета», наличие «пережиточных форм», наиболее отчетливо получивших выражение в ее жанровом составе (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 8, 10).

Представление о целостности традиции было бы невозможным, по мнению А. А. Саввина, без обращения к ее наиболее архаическим формам. Этим объясняется отбор и фиксация им ритуальных заклинаний, наиболее древних разновидностей малых жанров, архаичных песенных образований типа хороводного танца «по-вилюйски», вилюйской песни-ырыа или тойук, сохранившихся только в этом регионе, эпоса олонхо, актуализирующего тесную связь с шаманским культом, а также определенных черт сходства шаманских песнопений и эпического сказительства и др.

В экспедиционных материалах А. А. Саввина и С. И. Боло прослеживается достаточно дифференцированный подход к возможности охвата в этом регионе всех жанров фольклора, что обосновывается, на наш взгляд, стремлением представить свидетельства наиболее архаичного состояния вилюйской традиции. Степень ее архаичности определяется консервацией мифологической и ритуальной основы, отложившейся в целом ряде собственно вилюйских текстов (песнь о сотворении мира/Земли, песни о наступлении года/лета/зимы, «древние песнопения» ритуально-заклинательного плана («Старинный танец»), вариации «песен танцев» («Танец по-вилюйски»), вариации дорожных песен («Песня пути», «Песня (пешего) путника»), доминирующих только здесь, а также давно забытых жанровых разновидностей, еще бытующих в этом регионе (чабыргах типа «пустословия» — *лабысха*, чабыргах-загадки, детских считалок с целым числом *биир* — *икки* и др.). Такой подход к архаическому составу традиции находит выражение в принципах отбора материала для записи. Для А. А. Саввина зафиксировать «старинную песнь» или «малую» форму как целостный текст «раннего» (по его выражению) происхождения значительно важнее, чем охватить все жанры или представить множество вариантов. Указанные особенности зафиксированного материала свидетельствуют о масштабности «реконструктивной» нацеленности самого исследователя.

Обращение А. А. Саввина к вербальной стороне традиции, изначально возникшее в связи с дополнительной задачей по записи диалектизмов, впоследствии переросло в устойчивый интерес к поэтическому языку в целом, к которому он пришел в ходе долгих полевых исследований. Вместо специальной записи диалектной лексики он решает включить эту работу в процесс записи разных жанров традиции, начиная от эпоса олонхо (Еремеев 2017: 144–148) и заканчивая малыми жанрами. В результате этого появился целый ряд заметок о языке вилюйских якутов и особенностях вилюйского говора (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 90, 91, 271). Однако главным достижением стало даже не это, а сложившееся в процессе работы представление об «особом» языке вилюйской устной традиции. Работая над устными текстами, исследователь обратил внимание на различные аспекты повторяемости и вариативности отдельных элементов формы как основы существования фольклора, актуализируемые в рамках вполне сложившегося словаря или инвентаря поэтических средств. При этом лексический (или формульный, добавили бы сейчас) фонд остается достаточно стабильным, постоянно передаваемым общим наследием. Основу такой стабильности А. А. Саввин видит в ее архаичности и мнемонических принципах сохранения. Такое понимание формульной повторяемости сложилось у А. А. Саввина не столько при фиксации им «языка» малых форм и речевых жанров, сколько в процессе «выявления» их скрытой поэтики. Определенного рода формализованная лексика чабыргах (в виде, к примеру, начальной парной формулы *этэбэ — тэтэбэ*) оказывается опознавательным знаком этого жанра и в пределах эпоса олонхо, и в песенных жанрах, и в рамках «исторического» предания.

Не менее важными представляются наблюдения А. А. Саввина над стихотворной (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 23) непоющей основой жанров типа заклинаний и некоторых

разновидностей чабыргах (*лабысха, балтаһа*), возникающих в процессе нанизывания строк-формул, который в самой традиции обозначается понятием *хоһуйуу* (букв. «нанизывание слов»). Со свойственной ему тщательностью А. А. Саввин фиксирует структурные особенности фольклорного стиха, давая разбивку текста на строки, которая сохраняется даже при записи им быстро произносимого жанра чабыргах. По его признанию, для этого были выработаны специальные приемы фиксации в несколько этапов, а для корреспондентов экспедиции проводился специальный «инструктаж по технике записи» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 23, 24). В песенных и малых жанрах могли указываться «долготы», особенности произношения и вилюйского говора, сохраняться аллитерации, созвучия типа внутренней рифмы, звукопись. Особо следует выделить фиксируемые собирателем разновидности повторов (от анаграммоподобных до анадиплосических), необычные изафетные конструкции, формульную структуру имени собственного не только в эпическом жанре, но и в малых говорных жанрах, а также следы ритуального иноговорения, различные формы зауми (ритуальной и несвязанной с ритуалом) и многое другое.

Ко всему этому следует добавить особый интерес исследователя к специфичной диалектной лексике. Если в самом начале экспедиции задание от института по сбору диалектологического материала А. А. Саввин воспринял как дополнительную нагрузку, то в ходе полевой работы фиксация архаизмов превратилась в один из существенных, наиболее результативных показателей экспедиции. Запись значимого фольклорного образца сопровождается обязательным разъяснением архаизмов. Постепенно от уточнения значений устаревших слов Саввин приходит к типологическому пониманию «архаизма» в культуре (Иванов 2003: 131, 160).

Таким образом, А. А. Саввину удалось не просто записать устные тексты, но и зафиксировать в полном объеме поэтизмы вилюйской традиции. В его записях предстает все многообразие и богатство ее устного формульного языка. А. А. Саввин не раз подчеркивал, что при фиксации собственно языковых явлений и прежде всего малых жанров материал принципиально записывался у неграмотных носителей, не владеющих письменной речью, язык которых «не подпал под влияние говоров других мест Якутии» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 24).

Во всех случаях речь идет об особом поэтическом языке, отличающемся структурированностью форм и высокой степенью их повторяемости. В этой связи следует обратить внимание еще на один аспект языка устной традиции. Подчеркивая, что фольклор, «постоянно видоизменяясь как по своей форме, так и по содержанию, требует систематического и постоянного сбора» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 8), А. А. Саввин делает акцент на «форме». В другом месте, обосновывая «необходимость тщательного разбора загадок», исследователь замечает, что «будет немало загадок аналогичных» в первую очередь «по форме» (РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 10). Приоритетность для исследователя структурной или формальной организации может быть обусловлена тем, что именно в форме сосредоточен момент «новизны», понимаемой как возможность импровизационных изменений, перестраивания «старого». Возможно, внимание к форме возникает как результат смещения интереса с внетекстовых аспектов к тексту как таковому.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Важнейшим результатом первого экспедиционного проекта Института языка и культуры стало рассмотрение устной традиции как целостности, функционирующей в совокупности вербальных и невербальных форм и в конкретных ареальных границах. Вилюйской экспедицией впервые были достигнуты результаты, превосшедшие разрозненные опыты собирательства в системности и полноте фиксации живой традиции.

Соотношение «прошлого» и «настоящего», «старого» и «нового», архаизмов и новаций в устной культуре приводит А. А. Саввина к осознанию наследуемых форм в традиции. Категория текста становится для него определяющей в качестве интуитивно осознаваемой формы, через

которую только и осуществляется передача традиции. А. А. Саввин в процессе полевых исследований не просто представляет тот или иной жанр или отбирает варианты, но и стремится выявить инвариантную структуру жанра (или текста), ядерная конфигурация которой может реализовываться в виде мифологической модели мира, сюжетной последовательности действий персонажей или их речи, потенциально содержащей отголоски ритуально-обрядового действия. Именно такой подход к жанрам традиции определил в целом результативность Вилюйской экспедиции. Так, на материале жанровых разновидностей *чабыргах* основой отбора вариантов стал предпринятый А. А. Саввиным анализ по выявлению в различных вариациях жанра его инвариантной структуры. Аналогичная работа на материале преданий была проделана С. И. Боло, при этом в корпусе вилюйских мифологических преданий об Эляе и Омоее выделялось наиболее древнее ядро — сюжет переселения «с юга на север», известный по традиции центральных районов Якутии.

Впервые по отношению к устной традиции Вилюйского региона был применен целостный подход, соединяющий в себе интерес к ритуальной основе, мифологической неоднозначности представлений и к собственно фольклорной, в первую очередь вербальной, составляющей традиции. Именно поэтому в Саввине-собирателе, как и в Г. В. Ксенофонтове, лишь с достаточной долей условности можно разграничить этнографа, фольклориста, лингвиста-диалектолога, поскольку речь идет о целостности самого объекта изучения, предполагающего комплексное исследование. Методы полевой работы А. А. Саввина оказались производными от исходного, методологически значимого понимания целостности и специфики традиционной культуры исследуемого региона.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ А. А. САВВИНА

По экспедиционным материалам А. А. Саввина можно предположить, что реконструкция основных фаз фольклорного развития в Вилюйском регионе выглядит таким образом, что на одном конце диахронической перспективы оказывается жанровый комплекс (*алгыс, кырыс, андагар* и другие, в том числе малые культовые речения) ритуального происхождения, тесно связанный с шаманским культом, а на другом — эпос олонхо, наследующий мифологическую составляющую традиции, и связанные с ним нарративные образования (разного рода предания, сказка и др.). С одной стороны, заговорно-заклинательные жанры (*алгыс, кырыс, андагар*) и определенного рода «песенные» и «песенно-танцевальные» образования ритуального происхождения, а также наиболее архаичные из малых жанров (*чабыргах* и его наиболее архаические разновидности) выстраиваются в такую диахроническую систему, в которой актуализируется понятие «доэпического» прошлого. Задолго до формирования эпической целостности речь могла идти о ритуально-заклинательной традиции обрядового происхождения. В этом контексте многие эксплицируемые, а следовательно, реконструируемые А. А. Саввиным жанровые образования оказываются намного древнее, архаичнее тех, которые сложились к моменту господства эпической традиции. С другой стороны, в эпическую эпоху доминирование эпоса и других повествовательных жанров, свободных от ритуальной обусловленности, приводит к переакцентуации песенных и малых фольклорных форм, к их кардинальным изменениям. Парадоксальность традиции, которую застали участники Вилюйской экспедиции, заключалась в том, что древнейшая ритуальная доминанта вилюйской традиции сохранялась и в эпоху эпического господства. Именно поэтому почти все жанровые образования Вилюйского региона, включая и песенные, и малые, подключаются к возможности реконструкции прототипического состояния традиции.

Консервация вилюйской модели традиции на момент ее фиксации в конце 1930-х годов была связана с сохранением различных временных наслоений преимущественно жанрового плана и одномоментным сосуществованием архаических текстов традиции и их последующих модификаций. Исключительное внимание к происходящим в устной традиции процессам предопределило во многом значимость экспедиционного проекта, осуществленного благодаря общей методологической позиции А. А. Саввина — исследователя и практика-собирающего в одном лице.

В советский период замалчивались многие моменты первого экспедиционного проекта Института языка и культуры под руководством репрессированного П. А. Ойунского, сумевшего создать сплоченный научный коллектив единомышленников. Одним из фактов замалчивания стала фрагментарность публикаций материалов Вилуйской экспедиции, отсутствие обобщающих работ по ней и недооценка научного вклада как ее участников, так организаторов и вдохновителей этого проекта — П. А. Ойунского и Г. В. Ксенофонтова. Тем самым первая экспедиция академического института вписывается в общий контекст политических репрессий, который послужил вполне отчетливым фоном для восприятия ее задач и последующей оценки ее результатов.

Вилуйская экспедиция явилась первым подлинным открытием фольклорного материала «изнутри» культуры. А. А. Саввиным и С. И. Боло был разработан комплексный подход к живой устной традиции Вилуйского региона. Устойчивым в этих представлениях оказывается глубина понимания неразрывного единства обрядово-ритуальной и мифологической целостности устной традиции и культуры в целом, взаимосвязанность всех ее элементов и форм проявления (обрядовых, словесных, ритмических и других составляющих), видоизменяемость самой традиции, разграничение в ней «прошлого» и «настоящего», особенности отражения в воспроизводимых текстах культуры личности шамана/сказителя/носителя. Все это позволяет считать первый экспедиционный проект института одним из успешных по своим научным результатам, однако осознание этого пришло, к сожалению, спустя многие десятилетия.

Полевые исследования А. А. Саввина и С. И. Боло не укладывались в рамки только собирательства, представляя собой научно значимый первый опыт целостного описания отдельно взятой традиции. Специфичность же этой целостности каждый раз проявляется в виде культурной модели, принципиально новую, фольклористическую, направленность в изучении которой определила уже первая, Вилуйская, экспедиция 1938 г. По существу, это было первым научным открытием живой вербальной традиции на территории Якутии и по типологической значимости может быть сопоставимо с тем, что было сделано создателями формульной теории «устной традиции» М. Пэрри и А. Лордом на Балканах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РФ АЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 87. Вилуйские чабыргахи, песни. 1938.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 90. Материалы по языку. Тетради (А. А. Саввин). 1939 г.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 91. Краткие заметки о языке Кобяйи, Вилуя (А. А. Саввин). 1938.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 96. Биографические материалы А. А. Саввина. Личный листок по учету кадров. Автобиография. Заявления. Отзыв на рукопись А. П. Окладникова. 1938–1948.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 97. Описание рукописей. Вилуйские материалы. Описание материалов по устному народному творчеству, верованиям и истории якутов бывшего Вилуйского округа, собранных А. А. Саввиным 1938 году.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 69. Записи мелких преданий и легенд. А. А. Саввин. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 76. Исторические предания, собранные А. А. Саввиным. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 78. Мелкие предания, собранные А. А. Саввиным. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 98. Записи якутских народных песен А. А. Саввина. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 99. Якутские пословицы, собранные А. А. Саввиным. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 100. Якутские скороговорки, собранные А. А. Саввиным. 1939.
РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 101. Алгысы, собранные А. А. Саввиным в 1938 году. 1939.

- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 215. Список лучших сказочников, импровизаторов-певцов по Вилюйскому округу. (А. А. Саввин). 1939.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Саввин А. А. Отчет о работе Вилюйской экспедиции Института языка и культуры 1938 г.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 271. Саввин А. А. Краткие заметки о языке якутов Вилюйского, Сунтарского и Кобяйского районов. 1938.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 272. Загадки, собранные А. А. Саввиным в Вилюйском районе. 1938.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 561. Чабыргахтар — скороговорки, собранные А. А. Саввиным в 1936 г. 1941.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 847. С. А. Зверев — певец. Биография. Запись А. А. Саввина. 1938.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 850. Биографии народных певцов и олонхосутов. Оригиналы. 1938–1941.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 23. Протоколы заседаний дирекции НИИЯК при СНК.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Ед. хр. 40. Инструкции и указания ИЯЛИ корреспондентам по сбору материалов. Переписка и докладные записки (1939–1947).
- Богатырь Тонг Саар: олонхо / со слов С. Н. Каратаева, записал А. А. Саввин. Сост. В. В. Илларионов, Г. С. Васильев, Т. В. Илларионова. Якутск: Бичик, 2004. (Серия «Саха боотурдара» [«Богатыри саха»]. Т. 3).
- Боло С. И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену. Якутск: Якутское Гос. Издат., 1940.
- Еремеев С. И.* (Дэдэгэс). Төбөт Мэник бухатыыр: олонхо [Богатырь Тёбёт Мэник]. Якутск: Бичик, 2017. (На якут. яз.)
- Иванов В. В.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. / подг. изд. Г. У. Эргиса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1.
- Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм. Избранные труды (публикации 1928–1929 гг.). Якутск: ТПФ «Север-Юг», 1992.
- Кузьмина А. А.* «Кутурук салайар ырыа» («Хвост направляющая песня») в олонхо Вилюйского региона: аспекты прагматики // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). С. 106–111.
- П. А. Ойунский — директор научно-исследовательского Института языка и культуры при НК ЯАССР (1935–1937 гг.): сборник документов. Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2003.
- Покатилова Н. В.* Как создавался «сводный текст» якутского олонхо. Научный проект советской эпохи. 1940–1941 гг. // Исторический архив. 2018. № 1. С. 108–130.
- Саввин А. А.* Пища якутов до развития земледелия / подг. текста, вступ. ст., коммент. Е. Н. Романовой. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005.
- Сборник якутских пословиц и поговорок / сост. Н. В. Емельянов. Якутск: Якуткнигоиздат, 1965.
- Попов-Тумат С. А.* Краевед-этнограф, фольклорист А. А. Саввин: (олобун кылгас учарката). Чурапчы: «Сага олох» редакцията, 2016. (На якут. яз.)
- Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974.
- Якутские сказки: в 2 т. / сост. Г. У. Эргис. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. Т. 1.

REFERENCES

- Bolo S. I. *Proshloe iakutov do prikhoda russkikh na Lenu* [The Past of the Yakuts before the Russians Came to Lena]. Yakutsk: Yakutskoe Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1940. (In Russian)
- Eremeev S. I. (Dedeges). *Töböt Menik bukhatyyr: olonkho* [Bogatyr' Tebet Menik]. Yakutsk: Bichik, 2017. (In Yakut)
- Ivanov V. V. *Lingvistika tret'ego tysiacheletia. Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium. Questions for the Future]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2004. (In Russian)
- Ksenofontov G. V. *Shamanizm. Izbrannye trudy (Publikatsii 1928–1929 gg.)* [Shamanism. Selected Works (Publications 1928–1929)]. Yakutsk: TPF “Sever-Yug”, 1992. (In Russian)
- Kuz'mina A. A. “Kuturuk salaiar ырыа” (“Khvost napravliaiushchaia pesnia”) v olonkho Viliuiskogo regiona: aspekty pragmatiki [“Kuturuk salayar ырыа” (“Tail is a Guiding Song”) in the Olonkho of the Viliui Region: Aspects of Pragmatics]. *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2020, no. 1 (30), pp. 106–111. (In Russian)

Pokatilova N. V. Kak sozdavalsia “svodnyi tekst” iakutskogo olonkho. Nauchnyi proekt sovetskoi epokhi. 1940–1941 gg. [How the “Consolidated Text” of the Yakut Olonkho Was Created. Academic Project of the Soviet Era. 1940–1941]. *Istoricheskii arkhiv*, 2018, no. 1, pp. 108–130. (In Russian)

Savvin A. A. *Pishcha iakutov do razvitiia zemledeliia* [Food of the Yakuts before the Development of Agriculture]. Podg. teksta, vstup. st., komm. E. N. Romanovoi. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2005. (In Russian)

Popov-Tumat S. A. *Kraeved-etnograf, fol'klorist A. A. Savvin* [Ethnographer and Folklorist A. A. Savvin] (олоһун kylgas uocharkata). Churapchy: “Саһа олох” redaktsiata, 2016. (In Yakut)

Ergis G. U. *Ocherki po iakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)

Submitted: 07.10.2020

Accepted: 30.01.2021

Published: 01.04.2021